

УДК 17 378

**Цифровизация коммуникации и прикладная этика:
ценностная регуляция, ответственность и парресия***

Аннотация. Цифровой формат коммуникации открывает широкие возможности презентации эмоционально-оценочных мнений и переживаний. Это порождает проблему баланса между институтом свободы слова и совести, техническими возможностями их выражения, и – необходимостью обеспечения личностной и институциональной безопасности, минимизации репутационных рисков, других издержек. Цифровая формализация коммуникации, обеспечивая глубокую дивергенцию смысловых картин мира и соответствующей ценностной регуляции, одновременно создает их пересечения и наложения. Тем самым, сетевые коммуникации порождают конфликты различных смысловых картин мира. Возникает нетривиальная проблема этической экспертизы такого взаимодействия и ответственности за его результаты. Это выражается в необходимости нового осмысления ответственности – не только как социального института, но и как проявления субъектности, как источника, средства и результата социальной коммуникации.

Ключевые слова: комплексная гуманитарная экспертиза, прикладная этика, социальная коммуникация, фейки, ценностно-регулятивные системы, цифровизация.

Цифровизация – разработка и использование технологий, основанных на дискретности, алгоритмичности, вычислимости, программируемости – определяет облик современной цивилизации. Прежде всего, речь идет об информационно-коммуникативных технологиях в цифровом формате и их применении. Современные экономика, бизнес, государственное управление, политика, наука и образование, личная жизнь труднопредставимы без такого рода технологий. Они обеспечивают невиданные ранее доступ к информации, оперативность и масштаб ее позиционирования. Вместе с тем, такой масштаб и доступность порождают неоднозначные последствия: от появления новой (сетевой и экзистенциальной) ренты, связанной с монетизацией BigData, контроля и манипулирования, недобросовестного бизнеса и политического популизма – до формирования агрессивной коммуникативной среды, подпитывающей разобщен-

* Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 22-18-00591 «Прагма-семантика как интерфейс и операциональная система смыслообразования».

ность и недоверие, буллинг, ущерб и угрозы репутации, здоровью, имуществу, жизни. Речь идет о серьезных вызовах не только экономического и политического, но правового, этического, даже антропологического характера.

В этой связи возникает запрос на комплексную гуманитарную экспертизу не только и не столько последствий применения таких технологий, но и их целей, хода разработок, реализации. Заметную роль в этой экспертизе может и должна играть прикладная этика, как в теоретико-концептуальном, так и практико-организационном планах.

Примером может служить так называемая проблема «пост-правды» и «фейков», которым посвящаются семинары и конгрессы, законодательные акты и методические рекомендации борьбы с ними. Между тем, в постановке проблемы, используемой терминологии немало поверхностной публицистичности в ущерб полноценному анализу. Однако то, что понятно и допустимо в публицистике, блогосфере, не всегда оправдано в научном анализе и экспертизе.

«Чистой» правды (истины) нет, и никогда не было, хотя бы в силу недоступности для человека всей полноты знания. И верификация или фальсификация на основе фактографии, как и сама фактография, рассматриваемая с разных позиций, могут критиковаться, оспариваться. Даже в естествознании верификация данных зависит от интерпретаций, заложенных в самом языке описаний, и определяется используемыми методами и инструментами. Так и в социальных науках исследуется скорее «правда +» и «правда –». В первом случае – это факт с добавками, упакованный в оценку, интерпретацию и т.д. Или добавление к факту других с ним не связанных фактов, но придающих иное звучание; либо комбинирование факта и фрагмента художественного фильма, упоминание известного литературного героя, персонажа. Во втором случае – это факт с изъятиями, умалчиваниями деталей. Но в обоих случаях имеет место не «пост», а скорее «мета» и «пре». А по сути дела, это – мнения, некие смыслы, которые можно и нужно далее анализировать на предмет соотношения с целями, намерениями, исходными и доминирующими установками. Верификация или опровержение любого контента зависит от социально-культурного контекста, соответствующих смысловых картин мира – представлений о реальности, свойственных конкретной общности.

Мир устной и отчасти письменной коммуникации соотносился с реальностью посредством описания ситуаций, апеллирующих к непосредственному опыту личности, вызывая соответствующие ассоциации. Фильтром достоверности выступал сам человек, его окру-

жение. С возникновением печати добавился авторитет автора, издателя, а потом и журналиста. Появление кино, ТВ и экранной культуры добавило наглядной убедительности в формирование смысловой картины мира (чем активно пользуются современное кино и телепропаганда).

Возникновение электронных социальных сетей, блогосферы радикально изменило ситуацию. И не только потому, что возросло количество информации, а в силу того, что изменилось ее качество. Каждый блогер, каждый пользователь вносит свой контент, свое понимание и свою правду. Если традиционные медиа воспроизводили социальные значения, в определенной степени инвариантно нормативные, которые затем переводились в план личностных смыслов реципиентов, то новые медиа представляют в публичном пространстве сами личностные смыслы в виде непосредственно презентуемых эмоционально-оценочных переживаний. Собственно, такая ситуация и является питательной средой, бэкграундом «постправды» и «фейков», за которыми могут стоять не только расчетливое манипулирование, но и шутки, поспешные реакции, наивное доверие, непроверенные факты, спекуляция на оскорбленных чувствах... И это не утверждения, а мнение, на которое его транслятор «имеет право».

Ранее редакции, цензура фильтровали информацию на предмет соответствия принятой или доминирующей картине мира, теперь такой фильтр на выходе информации практически отсутствует. Современного автора информации интересует не ее соответствие реальности, а соответствие поставленной перед ним задаче воздействия. Перед троллями, заполонившими мировую сеть, зачастую ставятся вполне конкретные политические и бизнесзадачи, провокации, диффамации, а в лучшем случае – задачи отвлечения внимания от сути обсуждаемого.

Арсенал такого рода технологий чрезвычайно широк: адекватный контент в неадекватном контексте; ссылки на псевдоисточники; ложная, но ярко поданная информация; «скорректированная» реальная информация; осмеяние; несоответствие заголовков материалов их содержанию и т.п. Такие приемы хорошо известны в рекламе, пропаганде. В этом плане, фермы троллей, ботов и политические ток-шоу решают одну и ту же задачу – рассказывают о событиях, зачастую не имеющих отношения к непосредственной жизни людей, в определенном смысле – о фейковой жизни. Поэтому тема фейков пришла в подготовленный для них мир.

Некоторые факторы фейкового контента в той или иной степени всегда использовались в политической коммуникации: пропаганда, осмеяние, дезинформация, прямой обман и другие, хорошо из-

вестные формы манипулирования. Однако некоторые факторы связаны именно с возможностями цифровых информационных технологий. Такие усугубляющие ситуацию возможности связаны с роботизацией и алгоритмизацией коммуникативных процессов и практик. Начинается это с элементарного – с работы поисковых систем, когда пользователь редко доходит до сотой ссылки, ограничиваясь ссылками на первой странице, что только закрепляет лидирующее место этих ссылок для последующих пользователей. А изначальный интерес обеспечивается указанными выше факторами, выводя на первые позиции именно фейковый контент. При этом алгоритмизация формирования, подачи и оценки информации вывела в сеть тысячи и тысячи ботов, которые порождают сегодня 60% трафика онлайн. Жаловаться, предъявлять претензии в этом случае не на кого и некому.

В традиционном обществе люди полагались на авторитет жрецов, священников как представителей и интерпретаторов высшей воли. В обществе модерна они приучались опираться на собственное мнение. Современный маркетинг с опорой на Big Data смещает авторитетность. Влияние переходит к системам и алгоритмам обработки данных, которые, знают нас и о нас больше и лучше, чем мы сами. Именно на этом строится теория и технология «подталкивания» (nudge) – регулируемого поведения в коммерческом и политическом маркетинге. Полученные персональные данные используются для обучения нейронных сетей, а также для аналитики Big Data.

Формализация информационной базы коммуникации порождает вопрос о возможности систематизации смысловых картин мира, их структурировании и «привязки» к социально-культурным практикам. Многообразие видов социально-культурных практик может быть конкретизировано в концепции ценностно-регулятивных систем (ЦРС), обобщающей ранее предложенные идеи «функциональных систем» [6] «нормативных систем» [5], «нормативно-ценностных систем» [8, 52-62] и «логономических систем» [2; 13]. Такие системы определяются: (а) ценностным компонентом, который складывается из предмета, целей и средств деятельности; (б) нормативным компонентом, правилами, регулирующими осуществление деятельности; (в) способом организации социальной практической деятельности.

Практически вся социально-практическая деятельность может быть представлена как совокупность ЦРС в сфере производства, быта, отдыха, науки и т.д. Работа, отдых, поездка в транспорте, научная конференция, обед в кафе – все это конкретные ЦРС. Понятие ЦРС раскрывает механизм культуры как системы внебиологического наследования опыта и информации; как системы хранения и трансляции идей, «социальной памяти», «исторической коллективной па-

мости», «надындивидуальной системы информации» и т.д. Участием в ЦРС осуществляется социализация личности как усвоение ею соответствующих программ социального опыта. В этом плане понятие ЦРС является фактически развитием и обобщением фундаментальной идеи Г. Фреге, Л. Витгенштейна, рассматривающих смысл как «способ данности». Каждый из таких способов данности задается в соответствии с определенными критериями, то есть рационально. Если рациональность понимать как устойчивую систему правил, норм и эталонов, принятых конкретным социумом для достижения социально-значимых целей, то эта трактовка также выражается в идее ЦРС (при этом каждая из ЦРС задает свой канон осмысления).

Специфической ЦРС является язык – социальная деятельность, реализующаяся в целях коммуникативного обслуживания других ЦРС, в том числе и самой себя. Опыт использования языка в конкретных ЦРС задает соответствующие дискурсивные практики, без освоения которых невозможно вхождение в сообщества: национальные, этнические, профессиональные, возрастные и т.п. В этой связи национальный язык (речь и письмо) оказывается путеводителем по совокупной системе ЦРС определенной культуры.

Способ осмысления и организация социально-культурных практик неразрывно связаны и взаимно стимулируют друг друга. Динамика развития ЦРС выражает этапы институционализации: от идей и неформального общения по их поводу до развитых институтов, вплоть до организаций и учреждений – в зависимости от регулярности и интенсивности коммуникации. Это позволяет рассматривать динамику институционализации смысловых структур как переход от личностного знания к знанию, с одной стороны – все более распределенному, а с другой – формирующему общности единомышленников, вплоть до социальных институтов. На первых этапах институционализации ведущую роль играет смысловой аспект, на поздних этапах – социальный. Поэтому институционализированные формы осмысления, рутинизированные в некоторые профессии, специальности и дисциплины, представляют собой «отлившиеся» в институциональные формы социальной организации виды осмысления. С этой точки зрения, как писал С. Тулмин, каждое научное понятие – это интеллектуальный зародыш научно-исследовательского института или лаборатории, которые – суть институционализированные понятия [7]. Аналогичные стадии проходят ЦРС в бизнесе, политике, религии, искусстве. Поэтому, в принципе, концепция ЦРС дает ответ на главный вопрос институционализма в теории экономической социологии, политологии [4] – как формируются социальные институты.

Современные коммуникативные технологии создают уникальную ситуацию: с одной стороны, возможность глубокой дивергенции ЦРС различного уровня и практик, а с другой – возможность их пересечения и наложения. Сетевые коммуникации создают (если не умножают) конфликты различных смысловых картин мира, связанных с различными ЦРС.

Возможна ситуация, когда намерения наслаиваются друг на друга, порождая масштабные трагедии. Так, 13-летняя девочка из мусульманской семьи в городе неподалеку от Парижа часто прогуливала занятия и однажды соврала своему строгому отцу, что якобы учитель истории Самюэль Пати на уроке по свободе слова решил показать детям карикатуру на пророка Мохаммеда, а когда девочка стала спорить с учителем, тот отстранил ее от занятий на два дня. Возмущенный отец выложил в Facebook несколько своих гневных обличительных видео, в которых назвал Пати «бандитом», призвав к его увольнению, и сообщив, где находится колледж. К его призывам подключился исламский радикальный активист. На эти посты обратил внимание 18-летний Абдуллах Анзоров, переехавший еще ребенком во Францию из Чечни. 16 октября 2020 года Анзоров убил Пати, обезглавив его на территории колледжа. При попытке задержания Анзоров был застрелен полицией.

Во Франции прошли многотысячные акции памяти Пати. Учителя посмертно наградили высшим знаком отличия Франции – орденом Почетного легиона. А в мусульманских странах началась кампания против французских властей и лично президента Э. Макрона – их обвинили в оскорблении религиозных чувств мусульман. Действия французских властей резко осудил известный своей воинственностью глава одного из российских регионов. Тело Анзорова было вывезено на родину и похоронено по традиционному ритуалу. Медийно раскрытый боец ММА выложил в сетях фотографию Макрона, сопроводив ее текстом: «Да обезобразит Всевышний лицо этой твари и всех его последователей, которые под лозунгом свободы слова оскорбляют чувства более полутора миллиардов верующих мусульман» [11]. Так детская закомплексованность и воображение породила цепочку заявлений и событий, вовлекая все новых и новых людей. В результате чего мелкая бытовая детская ложь разрослась до трагедии международного масштаба.

Возникает вопрос о возможности выработки (нахождения) некоего «общего знаменателя» таких множеств ЦРС. И это не только проблема этакого суверенного смыслового «блокчейна», некоей суверенной платформы распознавания и идентификации смыслов, которая представляется практически нереализуемой на таком пластич-

ном и динамичном материале, как социальная коммуникация, изначально предполагающая субъектность, прокреативность ее участников. Фактически речь идет об аналоге теоремы Гёделя – о невозможности полной формализации человеческого знания, в том числе – транслируемого в коммуникации. И если это относится даже к наиболее точному знанию – математическому, то в еще большей степени – к знанию гуманитарному, включая историческое (не говоря уже о таком пластичном феномене, как историческая память с ее несколькими лагами динамики).

Поэтому решение задачи видится в учете неформализуемого «остатка», а точнее, ядра коммуникации – учете личностного фактора.

Выявляется сущность проблемы фейков и постправды – дело не столько в фактчекинге (верификации) транслируемого контента, сколько в ответственности за этот контент. Если коммуникация мотивирована, интенциональна, то главным в ней становится вменение намерений, породивших контент. Понимание другого – суть понимание не столько значения используемых им слов, сколько намерений, с какими он вступил в общение. И это глубже, чем фактчекинг. Вменение – это установление субъектности, «точки сборки» ответственного самосознания, когда «невозможно заставить себя верить во что-то, одновременно зная, что это ложь. Поэтому самообман не может существовать. Попытки разрешить парадокс как обманщику обмануть себя не имели успеха. Эти попытки обычно включали создание разделенного себя, рассматривая одного из них неосознающим» [10].

Такое вменение может оказаться трудно выполнимым. Намерения, как уже отмечалось, могут быть связаны с наивностью, повышенной эмоциональной реакцией на происходящее. Так в приведенном выше случае со школьницей-прогульщицей, ее отец, по его словам, не желал вреда учителю, а только «хотел быть хорошим отцом». Или намерения могут тщательно скрываться, как и автор, который может быть вымышлен, обозначен неким псевдонимом, «ником». Поэтому в адресанте при серьезной аналитике следует различать автора и актора-инициатора. Причем такой инициатор может тщательно скрываться. И тогда задача разрастается до выявления источника намерений создания данного контента, субъективация подлинного актора, скрывающегося за реальными и вымышленными авторами. В случае исторического материала такая аналитика может стать делом поколений исследователей.

Или такое вменение, в силу возможностей и масштабов вовлечения участников в современные сетевые коммуникации, оказывается распределенным, что также становится задачей достаточно слож-

ной. Так, в рассмотренном выше кейсе со школьницей-прогульщицей, убийство Пати было расценено следствием как террористический акт. Обвинение было предъявлено 12 лицам: девочке; ее отцу, устроившему кампанию в сети; активисту, который вывел эту кампанию на новый уровень; друзьям Анзорова, подвозившим его до колледжа и знавшим о его намерениях; ученикам колледжа, показавшим за 300 евро Анзорову Пати, который не скрывал, что намерен навредить учителю. Школьница была помещена под надзор правоохранительных органов и в другое учебное заведение. Распределение такой ответственности, ее степени – задача, с очевидностью, нетривиальная.

С особой остротой это выявилось во время коронавирусной пандемии, когда для людей, оказавшихся в условиях карантина, основным источником информации стал Интернет. А поскольку экзистенциальные угрозы всегда были и останутся главной новостью для человека и человечества, в сеть обрушился поток домыслов и слухов, которые вызывали повышенный интерес и внимание – особенно на фоне противоречивых заявлений официальных инстанций.

Современные технологии дают исключительные возможности контроля информационного потока, манипулирования им, а «наличие большого числа дезинформированных людей в обществе является абсолютно разрушительным...» [12]. Эта тенденция чревата стрессами и конфликтами. В сочетании с пропагандой прав человека с нарушением баланса прав и ответственности возникает агрессивная коммуникативная среда, подпитывающая буллинг, ущерб и угрозы репутации, здоровью, имуществу, жизни. В ситуации дивергенции смысловых картин мира, взаимного недоверия, перегретых сетевым самовозбуждением ожиданий достаточно искры...

Поэтому правительства были вынуждены включиться в борьбу с такой информацией. Первыми такие меры в форме запретов, штрафов и уголовной ответственности приняли правительства России, Соединенного Королевства, Китая. Спустя несколько месяцев такие меры приняли Иран, Саудовская Аравия, Египет, Турция, ряд Балканских государств. Генеральная Прокуратура РФ регулярно требует заблокировать то ролики о чипировании населения, то статьи о российском происхождении коронавируса, то сетевое сообщество противников самоизоляции, то ролики об узурпации власти олигархами [1].

В большинстве стран мониторинг, контроль контента возложены на онлайн-платформы. Если предписания не исполняются, то к ним применяются штрафные санкции, доходящие до 5 000 000 евро. Еврокомиссия разрабатывает проект законодательного акта Digital

Service Act, призванного регулировать прозрачность соцсетей и интернет-компаний.

Некоторые провайдеры и агрегаторы новостей стали бороться с фейками самостоятельно, без напоминаний и контроля со стороны государства. Первым приступил к такой практике Facebook, затем к нему стали подтягиваться и другие. В России агрегатор Дзен также занялся очисткой контента от фейков с помощью журналистов.

Разумеется, без таких практик запретов и контроля не обойтись. Однако ограничение ими недостаточно, а то и опасно. И они не всегда находят поддержку, а иногда трактуются и воспринимаются как ущемление прав и вызов демократии. Дело не только и не столько во внешнем контроле, который опытные манипуляторы уже научились использовать. Ключевым является баланс между нормативным регулированием и саморегулированием участников современной публичной коммуникации – не только провайдеров, но и самих производителей и потребителей контента.

В этой связи ответственность за отбор и критерии достоверности сместились от источника к адресату, реципиенту, который к этому не готов или даже просто не хочет об этом думать. Разрешение конфликтов, преодоление стрессов предполагает стереометричное и даже стереоскопичное восприятие информации, нелинейную культуру получения и формирования более полной картины происходящего и его осмысления. Формирование такой культуры еще только начинается.

Поэтому важную роль играет просвещение самих участников коммуникации, ее адресантов и адресатов. По такому пути пошли Нидерланды, Дания, Швеция. В 2018 году в России военными службами были разработаны Методические рекомендации по разоблачению фейковых обвинений в адрес ВКС России в Сирии [3].

Более того, возникает запрос на ответственную речь, реализуемую не только посредством социального контроля, но и с помощью самостоятельной фильтрации информационного потока, стремления к источникам достоверной информации, персонам ответственно ее представляющим. Помимо технологических и институциональных мер, все большую роль играет самоограничение и личная ответственность не только политиков, экспертов, журналистов, блогеров, других лидеров общественного мнения, но и аудитории, отдельных пользователей.

Расширение доступности публичной коммуникации в сочетании с идеей прав на свободу самовыражения создали дисбаланс между правами и ответственностью. В ситуации прямой трансляции эмоционально-оценочных переживаний, приводящих иногда к драматиче-

ским трагическим последствиям, оказывается, что автор ничего не утверждал, а только высказывал свое мнение, на которое он имеет право.

Можно говорить о созревании условий для пересмотра оценки М. Фуко перспектив концепта парресии применительно к современным дискурсивным практикам [9].

Не исключено, что речь может идти о возрождении феномена парресии как ответственного публичного слова, реализующего публичную речь как поступок (вменяемое действие), в новом формате и масштабе. Об ответственности не только за транслируемый контент, за последствия его трансляции, но, прежде всего, – за сам факт взятия слова. Ответственность за взятое слово – вызов морали коммуникации, если не новое ее качество или просто новая мораль.

Таким образом, практики современной коммуникации выводят на первый план проблему ответственности в ее комплексном выражении – как интеграцию социального контроля в правовом и моральном формате с личностным выбором в истоке, процессе и результате коммуникации.

Список литературы

1. Генпрокуратура требует заблокировать ролики о чипировании населения. URL: <http://politsovet.ru/66355-genprokuratura-trebuetsablokirovat-roliki-o-chipirovanii-naseleniya.html> (дата обращения: 26.02.2022).

2. Ильин М.В. Логономические системы: рефлексия, осмысленность и вербализация действия //Социальная семиотика: точки роста. СПб.: Скифия-принт, 2020. С. 30-32.

3. Методические рекомендации по разоблачению фейковых обвинений в адрес ВКС России в Сирии. 2018. URL: // <http://www.warandpeace.ru/ru/exclusive/view/135803/> (дата обращения: 18.10.2021).

4. Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Ин-т Гайдара, 2011. 480с.

5. Розов М. А. Проблемы эмпирического анализа научных знаний. Новосибирск: Наука, 1977. 222 с.

6. Соколов Э. В. Культура и личность. Л.: Наука, 1972. 228 с.

7. Тулмин С. Человеческое понимание. М.: Прогресс, 1984. 328с.

8. Тульчинский Г.Л. Тело свободы: Ответственность и воплощение смысла. СПб: Алетейя, 2019. 470 с.

9. Фуко М. Речь и истина. Лекции о парресии (1982-1983). М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2010. 384 с.
10. Bandura A. Self-deception: A paradox revisited // Behavioral and brain sciences. 2011. Vol. 34. No. 1. P. 1-56.
11. France 2: даже не присутствовала. URL: <https://russian.rt.com/inotv/2021-03-09/France-2-dazhe-ne-prisutstvovala> (дата обращения 13.03.2022).
12. Gray R. Lies, propaganda and fake news: a challenge for our age. 2017. URL: www.bbc.com/future/story/20170301-lies-propaganda-and-fake-news-a-grand-challenge-of-our-age (дата обращения 01.09.2021).
13. Hodge R., Kress G. Social Semiotics. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1988. 280 с.